

## М. Ю. ЛЕРМОНТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ВАСИЛИЯ ФЕДОРОВА

Что значит для русской словесности имя Лермонтова? Кому-то такой вопрос покажется наивным. На него правильнее ответить одним исчерпывающим словом: все. Лермонтов — это для нас все. Имя это сопровождает россиян с детства, с той поры, когда мы только учимся говорить. Влияние на творческих людей его поэтической музыки бесспорно. «Писать стихи, — вспоминает Василий Федоров, — я начал еще до знакомства с ним, но сейчас помню одно из моих мальчишеских стихотворений, написанных под воздействием строк: «На севере диком стоит одиноко...» Мое началось так: «На дикой поляне росла одиноко Береза с кудрявой главой...» Дальше рассматривалось, какая печальная участь постигла эту березу, как стонала она под крестьянским топором»<sup>1</sup>.

Большие писатели не только заражают читателей собственным творчеством, но и погружают в литературный контекст эпохи. Федорова, например, Лермонтов «познакомил» с Байроном. «Стихи «Нет, я не Байрон, я другой...» прозвучали для меня рекомендацией к знакомству, — признается наш современник. — При первой же поездке в город я купил и прочитал «Чайльд Гарольда». Стали понятней и родней лермонтовские строчки: «Как он, гонимый миром странник, Но только с русскою душой»<sup>2</sup>.

Федоров сравнивает лермонтовскую поэзию с опорой, не дающей провисать высоковольтной линии интеллектуальной энергии, протянутой через века к современной культуре. Эта опора к тому же обладает свойством подпитывать эту линию своими токами. Не каж-

дый поэт может выдержать лермонтовскую энергию, обладающую огромным напряжением. Те, кто активно воспринимают традиции и творчески их преобразуют в своих произведениях, добиваются интересных результатов.

Об удачном использовании и творческом преобразовании лермонтовской энергии свидетельствует поэтическое наследие большого русского поэта Василия Федорова. В статье «М. Ю. Лермонтов» он писал: «Демон» начал волновать меня значительно позднее. Не знаю, как на других моих стихах и поэмах, но на поэме «Седьмое небо», вернее, на ее главном герое, явно сказалось влияние «Демона», особенно в начальной главе «Первая высота», в четвертой — «Земля и Вега» и отчасти, вернее, подспудно — в пятой — «Память века»<sup>3</sup>.

Кстати, Сакулин П. Н. в статье «Земля и небо в поэзии Лермонтова» приходит к выводу о действительном характере изображения человеческой личности: она осознается Лермонтовым «созданием и небесным, и земным»<sup>5</sup>.

Космическое у Лермонтова чаще всего воплощение гармонии и справедливости, в отличие от земной жизни, где царствует произвол, печаль и слезы. «По небу полночи» летящий Ангел поет о блаженстве и о великом Боге. Однако, полное задушевной мелодии и гармонии, заканчивается стихотворение неразрешенным конфликтом: молодой душе, находящейся в объятиях Ангела, не отрешиться от земных печалей:

И долго на свете томилась она,  
Желанием чудным полна;  
И звуков небес заменить не могли  
Ей скучные песни земли.

(1,407)<sup>4</sup>

Эта дисгармония — одна из причин обостренного внимания поэта к неземному. Федоров посылает свое-

го героя, Василия Горина, в поэме «Седьмое небо» на далекую Вегу по причине того, что там, в неземном мире, могут судить героя более высоким судом, чем на Земле, — нравственным, являющимся своего рода воплощенными и невоплощенными мечтами о прекрасном. Контраст условности и реальности, идущий от Лермонтова, как раз и высекает поэтическую искру, позволяющую привычное и знакомое показать в «плоскости новизны». Элементы условности коснулись и пейзажных зарисовок, возникших не без влияния лермонтовских космических «картин». Они живописуются в гигантских панорамных видениях, подобно хрестоматийным лермонтовским строчкам:

В небесах торжественно и чудно!  
Спит земля в сиянье голубом...

(1,27)

«Пророчества удаются поэтам, — справедливо замечает Федоров, — наш советский человек влетел в космос и увидел, что Земля, как и у Лермонтова, действительно окружена голубым сиянием»<sup>6</sup>. Космические видения Федорова, как и лермонтовская романтика, имели под собой реальную основу. Реальность эта исходит из веры в могучие силы народа, связана с предвосхищением будущего. И здесь нельзя не восхищаться даром предвидения поэтов. Федоров, развивая традиции своего предшественника, опираясь на достижения современной науки, домыслил и конкретизировал сказанное Лермонтовым. Василий Дмитриевич рассказывал автору этой статьи: «Когда я написал главу «Земля и Вега» и отдал в журнал «Огонек», произошло исключительное событие: наш, советский человек, поднялся в космос. Пришлось срочно звонить в редакцию и просить задержать публикацию. За ночь я написал строчки о Юрии Гагарине. Так логика моей фантазии встречалась с логикой жизни».

Пейзажи Федорова пишутся как бы не обычной кистью, а огромным мастихином: «Опять Земля подожжена: Кипят моря и сохнут реки. Опять Земля напряжена В своем крутом межзвездном беге...» Угол зрения к предмету описания бывает настолько великим, что мелкие детали не различаются вовсе:

Взгляну вперед —  
И дивно для очей:  
Бока планет  
В космическом тумане  
Шершавятся, как дыни на бахче,  
Клянусь Землей,  
Как золотые дыни!

Совсем не случайно в стихах Федорова встречаются слова, необычные по своему звучанию, завораживающие читателей своей новизной: «Нас мыслью обжигает пламя», «И видел я незримое доселе: Над головой моей издалека Похожие на древних птиц летели Напуганные чем-то облака», «Глядел я, как, сметая тени, По золотым рогам оленя Восходит заполярный день». Мы привыкли в сочетании со словом «звезды» видеть эпитеты «прекрасные», «дальние», «ясные». У Ломоносова, помните, в «Вечернем размышлении о божием величестве при случае великого северного сияния»: «Открылась бездна звезд полна; Звездам числа нет, бездне дна». Образ звезды у Лермонтова — это один из самых часто встречаемых образов. Поэт одушевил его, приблизив к человеку. Крылатым выражением стало лермонтовское: «И звезда с звездою говорит». В поэзии XX столетия эта «беседа» нашла самую широкую интерпретацию: у Светлова звезды «смотрят музыкальными глазками». Продолжая метафорический ряд со звездами, начатый Лермонтовым, Федоров подсматривает, как земля «в распрях доброго и злого духа Так и жметя к частоколу звезд...» или подслушивает «шуршанье звезд на пологе небес».

В стихотворении «Измаянная тишиной» Федоров непосредственно обращается к хрестоматийно известному лермонтовскому шедевр «Тамара» и образ за образом переиначивает его трагедийное содержание. У Лермонтова главная героиня, царица Тамара («Прекрасна, как ангел небесный», и в то же время «Как демон, коварна и зла»), после страстно проведенной ночи приказывала умертвлять возлюбленных. У Федорова же представлен лирический герой, влюбленный и готовый ради любви на любые жертвы: «За страсть, сжигавшую дотла, Я б согласился с карою, Что узаконена была царицею Тамарою». Сопоставляя свои судьбу и чувства с избранниками лермонтовской героини, он называет их счастливыми:

Счастливец  
Много ли терял,  
Когда от стона светлого  
С ее груди  
Летел в Дарьял,  
Уже по стону  
Смертному.  
И знал он,  
Брошенный на дно,  
Что после расставания  
Его убили б все равно  
Потом  
Воспоминания.

(1,320)

В стихотворении Лермонтова строгий, четкий рисунок: в каждой строфе обязательны четыре строчки с перекрестной рифмовкой и симметрически повторяющимися рифмами: АБАБ. Причем первые и третьи строчки (А) всегда женские, а вторые и четвертые (Б) — мужские; строчки А содержат 9 слогов, а строчки Б — 8 слогов. «Тамара» — это прекрасный образец сочетания формы и содержания:

В глубокой теснине Дарьяла,  
Где роется Терек во мгле,  
Старинная башня стояла,  
Чернея на черной скале.

(1,119)

Четкий амфибрахий помогает читателю глубже донести идейный смысл всего произведения — трагизм и силу любви. Лермонтов, как видим, очень чутко относился к внешнему оформлению стихов. Выбор того или иного расположения строчек в строфах всегда обуславливался смыслом создаваемого произведения.

Федоров, как помним, ставил перед собой другую задачу и решил ее соответственно не в трагедийной, а в облегченной, почти разговорной форме. Рассказ Лермонтова — это красивая и мрачная легенда, федоровская же героиня, хотя и гордая, но земная женщина, что дает повод автору выйти из романтического ореола в реалистический мир и закончить стихотворение в мягком приземленно-ироническом ключе:

Не злил бы я  
Постылых дней,  
Когда бы не иллюзия,  
Что ты нежней,  
Что ты умней,  
Добрей царицы Грузии.

(1,321)

Как и лермонтовское произведение, процитированные строчки построены по принципу симметрии. Так откуда же возникает впечатление некоторой дисгармоничности федоровских стихов? А возникает это по трем причинам, действующим в совокупности. Во-первых, сопоставляемые произведения написаны разными размерами: амфибрахийем у Лермонтова и ямбом у Федорова. Причем ямб во втором случае используется вольный, с большим количеством пиррихийев, расположенных в разных местах стиха, что способствует не-

которой облегченности при чтении. Во-вторых, подобное расположение ударных и безударных гласных дает повод поэту XX века, вобравшему в свой поэтический арсенал накопившийся опыт стиховедческой науки, разбить стихотворную строчку на отдельные самостоятельные строчки. Такая разбивка обуславливается чаще всего причинами смысловой и звуковой организации стиха. Например, первая строфа построена таким способом, чтобы заострить внимание на той одной, памятной, радостной и в то же время роковой встрече (то же самое и в лермонтовской «Тамаре»), которая лишила покоя лирического героя.

Измаянная тишиной,  
Мысль за тобою гонится.  
За радость ночи  
Той, —  
Одной  
Плачу  
Сплошной бессонницей.

(1,320)

При таком композиционном расположении строчек создается большая экспрессия стиха, тем более, если учесть, что это произведение написано от первого лица героя, в то время как у Лермонтова — от третьего лица, что придает тексту некую бесстрастность и фактографичность.

В-третьих, у Федорова, хотя так же, как у Лермонтова, рифмовка перекрестная, но рифмуются здесь мужские пары с дактилическими, то есть опять-таки здесь больше безударных гласных.

В другом стихотворении «Боюсь не смерти я...», Федоров, взяв лермонтовские строчки («1830. Майя. 16 число») в качестве эпиграфа, все произведение построил в лермонтовском ритмическом ключе, активно используя излюбленный Лермонтовым художественный прием интонационного отрицания. Сходство здесь наблю-

дается и в тематике, и в характере рифмовки, и в интонации. Как и у Лермонтова, в стихотворении Федорова в первой строфе кольцевая рифмовка (АББА), а в следующих — перекрестная, к тому же во всех строчках чередуются мужская и женская рифмы.

Федоров весь «земной», но в тяге к «неземному». Сам поэт не прочь подметить эту свою особенность: «Хочу я в мир, Не мною созданный, Внести красивое, свое». Эти желания сходны с признаниями Лермонтова: «В уме своем я создал мир иной...» («Русская мелодия», 1829), «Моя душа, я помню, с детских лет Чудесного искала» («1831-го июня 11 дня»). Это чудесное проявляется не только в художественных образах, но и в соответствующем стилевом оформлении: «Как небеса, твой взор блистает Эмалью голубой...», «Одна и грустна на утесе горячем Прекрасная пальма растет...», «И царствует в душе какой-то холод тайный, Когда огонь кипит в крови», «Ночевала тучка золотая На груди утеса-великана». Семнадцатилетний поэт, сетуя на невозможность передачи всех своих мыслей и страстей, пишет: «Холодной буквой трудно объяснить боренье дум». Строчки о невозможности поэтическими средствами выразить всю глубину чувств есть и у Федорова.

Первостепенное значение в поэзии имеют, по мнению Федорова, «социальные сдвиги»: «Пушкин и Лермонтов вышли из побед 1812 года»<sup>9</sup>.

Федоров В. Д., как представитель поэзии XX века, глубоко чувствует влияние культурных традиций: «Литературное наследие Лермонтова уже давно не является фактом только литературы. Значение его неизмеримо выше. Оно, как и наследие Пушкина, настолько вошло в духовную культуру народа, что приходит к нам множественными путями, прямыми и косвенными...»<sup>9</sup>. Речь здесь идет не только о влиянии разного рода изоб-



